

вить узнать, что такое время.

Страшная вещь оно—это время, передъ которымъ въ ужасъ приходитъ наше сознание, и дѣлается вдругъ такъ дорога и мила жизнь, что вы не хотите ее растрачивать больше.

Сознание, страшное сознание, являющееся человеку, кажется, передъ самой его смертью, когда онъ въ ужасъ понимаетъ, что такое жизнь, дѣлается еще, еще конвульсивныя движенія, чтобы продолжить ее, возродиться и... умираетъ.

Н. Носиловъ.

КУРБАНЪ ДЖАНЪ ДАТХА¹⁾.

БРАТКАЯ БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

1-го февраля 1907 года въ селеніи Мады умерла киргизка Курбанъ Джанъ Датха, пользовавшаяся въ теченіе почти полувѣка огромнымъ вліяніемъ среди Гульчинскихъ и Алайскихъ киргизъ.

Несомнѣнный природный умъ, сильный характеръ, богатство и благоприятныя жизненныя условія выдвинули Курбанъ Джанъ Датху изъ ряда остальныхъ киргизъ, сдѣлавъ ее послѣ смерти ея мужа, послѣдовавшей въ 1861 году, какъ бы представительницей Алайскаго населенія.

Покоривши Фергану и желая использовать вліяніе Курбанъ Джанъ Датхи на киргизъ въ интересахъ русской власти, генераль Скобелевъ, а затѣмъ и генераль Кауфманъ оказали ей особое вниманіе и тѣмъ поддерживали ея престижъ и популярность среди туземцевъ; этой же политики придерживались и остальные представители русской власти въ краѣ, благодаря чему Курбанъ Джанъ Датха до самой своей смерти сохранила за собой исключительное уваженіе и почегъ среди киргизскаго населенія, продолжавшаго величать ее Датхою, т. е. правительницей, и послѣ покоренія Ферганы русскими.

Приступая затѣмъ къ изложенію біографическихъ свѣдѣній о Курбанъ Джанъ Датхѣ, я долженъ оговориться, что матеріаломъ для этой замѣтки мнѣ послужили исключительно лишь раясказы сыновей ея и нѣко-

¹⁾ Курбанъ Джанъ Датха, по мужу Алимбекова, известна болѣе подъ наименованіемъ «царицы Алайской». Ред.

рыхъ постороннихъ лицъ, знавшихъ близко покойную Курбанъ Джанъ Датху; всѣ эти рассказы не подтверждены никакими документами, а потому достовѣрность ихъ зависитъ всецѣло отъ добросовѣстности рассказчика²⁾.

²⁾ Насколько намъ удалось прослѣдить, о царцѣ Алайской упоминается въ слѣдующихъ трудахъ:

а) К. К. Казанскій. „Вблизи Памировъ“. Путевыя впечатлѣнія (печаталось въ 1892 году въ «Турк. Вѣд.»).

Авторъ очерка состоялъ врачомъ въ свѣтѣ генераль-губернатора барона Бревскаго при поѣздкѣ послѣдняго по краю. Авторъ не указываетъ, отъ кого имъ собраны свѣдѣнія о Курбанъ Джанъ Датхѣ, которую онъ, почему-то, называетъ Мармаджанъ-Датхой. Въ общемъ, эти свѣдѣнія подтверждаютъ данныя предлагаемой замѣтки.

б) А. С. «По Туркестану», объѣздъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ С. М. Духовскимъ Ферганской области въ 1898 г. (печаталось въ 1898 г. въ «Турк. Вѣд.»). Авторъ очерка указываетъ, что сообщаемыя имъ данныя о Курбанъ Джанъ Датхѣ собраны уѣзднымъ начальникомъ отъ мѣстныхъ жителей.

в) Б. Л. Тагѣевъ. «Памирскій походъ». Воспоминанія очевидца. («Историческій вѣстникъ» июль 1898).

Авторъ передаетъ свѣдѣнія о Датхѣ со словъ офицера Н. Н. П.

г) Ю. Д. Половина. «На Памирахъ». Записки русской путешественницы. Подробно передаетъ рассказы о вѣдѣ Датхи. Свѣдѣнія переданы г. В. В. И. со словъ героя происшествія I.

д) И. Ф. «Царица Алая». Замѣтка, помѣщенная въ № 26 «Турк. Вѣд.» за текущій годъ. Замѣтка эта, на половину, заключается въ себѣ почти дословную перепечатку нѣкоторыхъ мѣстъ изъ трудовъ Тагѣева и Казанскаго.

е) В. Н. З.—въ «Царица Алая», замѣтка, помѣщенная въ № 424 текущ. года газеты «Голосъ Правды».

По словамъ автора замѣтки, свѣдѣнія о Датхѣ имъ даются изъ рукописи стараго туркестанца, близко знавшаго покойную.

Курбанъ Джанъ Датха родилась въ 1811 году; отецъ ея, по имени Маматбай, былъ Гульчинскій киргизъ изъ рода Мунгышъ и не выделялся среди своихъ сородичей ни положеніемъ, ни богатствомъ; въ 1829 году Курбанъ Джанъ Датха вышла замужъ за киргиза рода Ювашъ, Кулы Садъ Ярова, за котораго была просватана, по киргизскому обычаю, будучи еще младенцемъ. Познакомившись со своимъ женихомъ лишь въ день свадьбы, Курбанъ Джанъ осталась очень недовольна выборомъ своихъ родителей и согласилась на замужество лишь при условіи, что и послѣ свадьбы она останется въ домѣ родителей; пробывъ три года номинальной женой Кулы Садъ Ярова, Курбанъ Джанъ Датха добила развода и въ 1832 г. вышла замужъ за Алимбека, который, благодаря своему происхожденію и богатству, былъ наиболѣе вліятельнымъ изъ мѣстныхъ киргизъ и признавался ханскимъ правительствомъ Датхой, т. е. правителемъ Алая. Въ теченіе 29 лѣтъ своего замужества Курбанъ Джанъ Датха была преданною женою Алимбека, его постоянною совѣтницей и помощницей во всѣхъ его дѣлахъ. Благодаря ея находчивости Алимбеку удалось спастись отъ Мусульманкула, который, будучи всесильнымъ регентомъ въ періодъ малолѣтства Худаяръ-Хана, хотѣлъ захватить Алимбека, но распорядительность, мужество и находчивость Курбанъ Джанъ Датхи спасли его отъ неминуемой гибели. При Мамля-Ханѣ Алимбекъ былъ нѣкоторое время его визиремъ, а при его преемникѣ Шамуратъ-Ханѣ онъ былъ убитъ во время дворцоваго заговора, случившагося во время отсут-

ствія хана; это было въ 1861 году³⁾ и пятидесятилѣтняя Курбанъ Джанъ Датха осталась вдовою; первоначально Кокандскія власти, опасаясь возмущенія киргизъ, утаили отъ Курбанъ Джанъ, что мужъ ея погибъ насильственной смертью и лишь спустя

³⁾ В. Наливкинъ, въ «Братской исторіи Кокандскаго ханства» упоминаетъ, что Алимбекъ (по Наливину — Алимъ-бий) былъ Андижанскимъ хакимомъ. Алимбекъ былъ лицомъ вліятельнымъ. Когда русскіе заняли Алматы (городъ Вѣрный) и въ 1860 году Малля-ханъ послѣдовательно, одно за другимъ, получилъ извѣстія о взятіи русскими Такмака (26 авг.) и о разгромѣ Пишпека (4 сент.), ханскія войска были собраны и отправлены на сѣверъ. Придя въ Пишпекъ, они укрѣпили его и остались здѣсь зимовать, не имѣя для большинства достаточнаго количества теплой одежды, провіанта фуража. Наступили зимніе холода. Сарты стали мерзнуть, гибнуть отъ холода и голода, кони стали падать отъ безкормицы.

Начались побѣги. Алимбекъ, принимавшій участіе въ походѣ, ушелъ въ Андижанъ и, такимъ образомъ, рѣшилъ судьбу этой злосчастной для сартовъ компаніи.

На слѣдующій годъ Малля Ханъ сталъ опять собираться на русскихъ, но войска наотрѣвъ отказались отъ этого похода.

Вскорѣ послѣ этого Ханъ, по наговорамъ придворнаго врача, Хакима-Куенара, послалъ Дивана-Пансата арестовать и привезти Алимбека въ Кокандъ, но Пансатъ успѣлъ только конфисковать имущество опальнаго, а самъ Алимбекъ бѣжалъ куда-то за Гудьчу.

Почти всѣ авторы вышеприведенныхъ замѣтокъ указываютъ, что Малля-Ханъ палъ отъ руки Алимбека, ставшаго въ главѣ заговора противъ Хана.

Наливкинъ поименно называетъ всѣхъ заговорщиковъ, но Алимбека въ числѣ ихъ не упоминаетъ.

Это было въ 1862 году.

Умеръ Алимбекъ, по утверженію большинства авторовъ замѣтокъ, въ 1863 году. Онъ скончался отъ отравы поднесенной женщиной изъ ревности, по другимъ версіямъ — подкупленной изъ мести. Ред.

въ некоторое время вдова его узнала о его убійствѣ. Въ это время Фергану посѣтилъ Эмиръ Бухарскій, доѣзжавшій до Оша, гдѣ ему представилась Курбанъ Джанъ; узнавъ о ея вліятельности, а также о трагичности смерти ея мужа, Эмиръ, вопреки обычаю, далъ Курбанъ Джанъ званіе Датхи, т. е. правительницы, снабдивъ ее надлежащимъ ярлыкомъ и одаривъ подарками. Съ этого времени значеніе Курбанъ Джанъ Датхи среди Алайскихъ и Гульчинскихъ киргизъ было упрочено окончательно, и она стала официально представительницею этихъ кочевниковъ. Пасынокъ же ея Джаркинбай, старшій сынъ убитаго Алимбека Датхи, узнавъ о вниманіи, оказанномъ его матери Эмиромъ, отказался отъ своихъ правъ на Алайское и Ошское населеніе, признавъ правительницею Курбанъ Джанъ Датху, самъ же былъ назначенъ Ошскимъ хакимомъ, т. е. начальникомъ. Это происходило около 1864 года. Вскорѣ Джаркинбай, участвовавшій вмѣстѣ съ другими войсками Кокандскаго хана въ экспедиціи противъ генерала Черняева, разбившаго ханскія войска, былъ убитъ.

При вторичномъ воцареніи Худояръ-Хана Курбанъ Джанъ Датха вмѣстѣ съ сыномъ Абдулла-бекомъ поѣхала къ нему въ Кокандъ, гдѣ была милостиво принята, и полномочія ея на Алай подтверждены новымъ правительствомъ; сынъ же ея назначенъ Ошскимъ хакимомъ, вмѣсто Джаркинбая.

До покоренія Ферганы русскими Курбанъ Джанъ Датха мирно управляла Алаемъ и своимъ умомъ, тактомъ и вліяніемъ при ханскомъ дворѣ, куда ѣдила ежегодно, заслужила любовь

и уваженіе среди киргизскаго населенія Алая, каковую репутацію и сохранила ва собою до самой смерти.

Когда Кокандское ханство было покорено русскими, то Алайскіе и Гульчинскіе киргизы, не желая подчиняться чужеземцамъ, откочевали въ горы, а сама Курбанъ Джанъ Датха уѣхала въ Кашгаръ въ Кокъ Су; сыновья же ея, собравъ войско, заняли горные проходы и рассчитывали оказывать сопротивленіе русскимъ, если они двинутся на Алай; но такъ какъ этого скоро не случилось, то войска, вѣрнѣе—окрестные киргизы, собравшіеся около сыновей Датхи, разѣхались по своимъ ауламъ; въ это время на Алай неожиданно пріѣхалъ Скобелевъ, которому, конечно, сыновья Датхи и не въ силахъ были оказать серьезнаго сопротивленія и тотчасъ же отступили⁴⁾, а вѣтъмъ по совѣту матери уѣхали на нѣкоторое время въ Мекку, предоставивъ Курбанъ Джанъ Датхѣ переговоры со Скобелевымъ. По прибытіи на Алай Скобелевъ поручилъ вновь назначенному Ошскимъ уѣзднымъ начальникомъ майору Іонову разыскать Датху и вступить съ нею въ переговоры.

Вскорѣ пріѣхалъ Іоновъ въ домъ, гдѣ жила Курбанъ Джанъ Датха у своего брата Исмадіарбая; Датха ему представилась и просила его дать ей

возможность лично вести переговоры со Скобелевымъ; Іоновъ согласился и Датха отправилась къ генералу Скобелеву, который принялъ ее очень любезно и, когда Курбанъ Джанъ Датха общалась ему, что она приметъ все мѣры къ тому, чтобы Алайское населеніе было спокойно, то онъ поблагодарилъ ее и передалъ ей подарки, а сыновей ея, оказавшихъ ему сопротивленіе, простилъ, отпустивъ также и всехъ киргизъ, взятыхъ въ плѣнъ⁵⁾.

⁵⁾ У Головинной этотъ случай передается такъ:

„Во время экспедиціи М. Д. Скобелева, наши военныя власти, зная, какое громадное вліяніе имѣетъ эта женщина, и желая во что бы то ни стало изловить ее, командировали на развѣдки молодого русскаго офицера І. (теперь занимающаго выдающееся положеніе въ военной іерархіи края); найти ее въ ея царствѣ горъ было дѣломъ нелегкимъ. Наконецъ, І. съ переводчикомъ-киргизомъ подкрался совсѣмъ близко къ стану киргизовъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, она должна была находиться; переводчикъ вызвался пробраться въ станъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается и просилъ І. ждать его, не показываясь. Спусти нѣкоторое время, І. слышитъ голоса цѣлой толпы, направляющей къ нему изъ непріятельскаго стана и громкій вопросъ переводчика: „Таксыръ (господинъ), ты здѣсь?“ Прятаться было не въ обычаяхъ І. и, несмотря на громадный рискъ, онъ отозвался. „Выйди сюда, Датха пришла къ тебѣ“, продолжалъ переводчикъ. І. вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ Датху, приближавшуюся къ нему. Она сказала ему, что находитъ безумнымъ и жестокимъ продолжать далѣе бороться съ русскими и проливать кровь, что она убѣдила киргизовъ покориться и теперь желаетъ заявить объ этомъ главному генералу Русскаго Царя; на предложеніе І. она выразила согласіе для этого лично поѣхать къ нему на условіи, что ее не арестуютъ и не подвергнутъ униженіямъ. І. общалъ ей это, и она съ нимъ и 300—400 своихъ киргизовъ двинулась къ русскимъ.

⁴⁾ Есть положительныя данныя, что сыновья Датхи, бывшіе во главѣ войскъ Пудать-хана, въ битвѣ подъ Янги-арыкомъ 25 апрѣля 1876 года оказали серьезное сопротивленіе отряду Скобелева. Они заняли почти неприступную позицію, окружили ее завалами и могли бы надолго задержать Скобелева, если-бы послѣдній не распорядился послать войска въ обходъ. Ред.

Послѣ этого Датха разослала по Алаю всѣхъ бывшихъ плѣнныхъ, приказавъ имъ объявить населенію, что-бы оно было совершенно спокойно и возвращалось бы въ аулы для занятія мирнымъ трудомъ. Приказаніе ея было исполнено и киргизы прекратили всѣ враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, сыновья же ея вернулись домой къ матери. Во время свиданія Курбанъ Джанъ Датхи съ генераломъ Скобелевымъ, послѣдній сказалъ ей, что вскорѣ въ Ошъ прибудетъ генералъ Кауфманъ и онъ тогда предста-

Подѣзжая къ главному лагерю, І. выразилъ опасеніе, что русскіе, не зная о цѣляхъ приближенія непріятельской толпы, будутъ стрѣлять и посовѣтовалъ Датхѣ отпустить своихъ и ѣхать съ нимъ одной; она пристально посмотрѣла на него и спросила, не лукавить ли онъ, на что І. поручился ей своимъ честнымъ словомъ въ томъ, что ей не будетъ причинено никакого вреда. Датха сказала нѣсколько словъ киргизамъ, которые оставили ее и въ лагерь русскихъ она явилась одна съ І. и его переводчикомъ. Кто-то изъ военныхъ чиновъ, вопреки данному І. обѣщанію, хотѣлъ арестовать ее, но послѣдній заявилъ, что для него данное слово—вопросъ чести, и въ случаѣ нарушения его онъ застрѣлится; зная его за человека, который не задумается надъ исполненіемъ этого своего намѣренія, уступили. Датхѣ была поставлена особая юрта и предоставлена полная свобода, хотя издали за нею наблюдали день и ночь. По окончаніи переговоровъ ее отпустили, не причинявъ вреда.

Встрѣчу Датхи со Скобелевымъ Тагѣевъ передаетъ такъ:

„Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и Мирза-Паяса, вошла въ комнату. Оба батыря отвѣсили низкій вуддукъ, плѣнная же царица стояла молча, низко наклонивъ свою голову.

Ее главному начальнику края; обѣщаніе свое Скобелевъ исполнилъ въ точности, и Курбанъ Джанъ Датха была представлена генералу Кауфману, принявшему ее очень милостиво и Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ свою руку. Датха, повидимому, растерялась, она не ожидала такого пріема, и радостная улыбка озарила ее лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то по-киргизски.

— Скажите Датхѣ,—обратился Скобелевъ къ стоявшему здѣсь переводчику-киргизу Байтакову,—что я очень радъ видѣть ее въ добромъ здоровьѣ и надѣюсь, что она, пользуясь своимъ огромнымъ значеніемъ на Алаѣ, повліяетъ и на кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться требованіямъ Россіи. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и томъ значеніи, которое она заслужила у сосѣднихъ хановъ, а потому увѣренъ, что Датха пойметъ бесполезность враждебнаго отношенія къ русскимъ. Передайте ей,—сказалъ генералъ, когда переводчикъ перевелъ часть его рѣчи,—что она, какъ мать, можетъ гордиться своими сыновьями. Абдулла-бекъ свято исполнилъ свой долгъ и ушелъ лишь тогда, когда бороться уже было немисливо. Но пусть она знаетъ, что русскіе умѣютъ цѣнить храбрость враговъ. Если она сумѣетъ склонить своихъ сыновей покинуть Афганистанъ и возвратиться на Алаѣ, то я награжу ихъ, какъ подобаетъ награждать героевъ, а теперь я прошу Датху принять достарханъ,—и генералъ приказалъ принести, по туземному обычаю, огромный подносокъ, на которомъ цѣлою горою возвышались туземныя утесненія; вслѣдъ за тѣмъ онъ собственноручно надѣлъ на плѣнницу парчевый почетный халатъ и обратился къ батырямъ, увѣщевая ихъ вѣрно служить Россіи.

Умная царица сразу поняла свое положеніе и тутъ же дала обѣщаніе генералу, что миръ и тишина будутъ царить въ долинахъ Алаѣ, пока живетъ она на свѣтѣ.

Ред.

удостоившему ее продолжительной бесѣды, во время которой онъ разспрашивалъ ее объ ея жизни. Одаривъ Датху и ея свиту, генераль Кауфманъ назначилъ ея троихъ сыновей волостными управителями Опскаго уѣзда и совѣтовалъ какъ ей, такъ и имъ во всемъ слушаться Опскаго хакима Іонова, который отнынѣ будетъ ихъ начальникомъ, защитникомъ и ходатаемъ въ ихъ нуждахъ; совѣтъ этотъ она и ея сыновья свято выполняли, сохранивъ къ генералу Іонову на всю жизнь полную признательность за его вниманіе и попеченіе объ ихъ нуждахъ.

Всѣ послѣдовавшіе представители русской власти въ краѣ, во время своихъ посѣщеній всегда оказывали Курбанъ Джанъ Датхѣ полное вниманіе, дѣлая ей подарки, посылая привѣты и письма, которые и по нынѣ хранятся ея сыновьями въ воспоминаніе о славномъ прошломъ ихъ нынѣ покойной матери ⁶⁾.

⁶⁾ Во время поѣздки въ 1892 г. по Ферганѣ барона Вревскаго Датха представлялась Генераль-Губернатору. Г. Казанскій описываетъ сцену встрѣчи ея, какъ очевидецъ, такъ:

„На другой день нашей стоянки въ Гульчѣ къ Командующему войсками явилась весьма почетная среди алайскихъ киргизовъ особа, по имени Мармаджанъ(?) Датха. Она пожелала засвидѣтельствовать свое почтеніе высокому посѣтителю и пріѣхала съ этою цѣлью на бивакъ верхомъ изъ своей лѣтовки, отстоящей отъ Гульчи верстъ за восемьдесятъ. Семидесятилѣтняя старуха нарядилась ради торжественнаго случая въ парчевую шубейку съ мѣховой оторочкой, единственный остатокъ отъ ея прежняго величія.

Командующій войсками принялъ Мармаджанъ Датху очень привѣтливо, благодарилъ ее за доброе влияніе на киргизовъ и одарилъ дорогимъ парчевымъ халатомъ. Царица Алая, какъ ее называютъ по старой

Со времени присоединенія Ферганы къ Россіи жизнь Курбанъ Джанъ Датхи протекала мирно и счастливо, и единственнымъ темнымъ пятномъ, омрачившимъ ея спокойную старость, явилось дѣло по убійству русскихъ таможенныхъ стражниковъ, въ которое

памяти, не испытывала, однако, особеннаго удовольствія отъ пребыванія въ нашей ставкѣ. Любопытные взоры русскихъ офицеровъ приводили ее въ смущеніе, не мало, повидимому, беспокоилъ и непривычный буковый стулъ. Постоянное утираніе рукавомъ слезящихся глазъ не выручало ее изъ затрудненія, и бѣдная старуха почувствовала себя нѣсколько увѣреннѣе только въ ту минуту, когда почтительные сыновья посадили ее на сѣдло. Куда дѣвалась напущенная дряхлость: царица быстро подобрала полы своего новаго почетнаго халата и усакала во-свояси“.

Въ 1898 году она являлась и къ С. М. Духовскому при его поѣздѣ на Памиры.

Воспроизводимъ описаніе приѣма ея изъ очерка „По Туркестану“.

„Вслѣдъ за ишанами, поддерживаемая подъ руку сыномъ и внукомъ, уже въ пожалованныхъ почетныхъ халатахъ, едва передвигая ноги, насилу вошла въ комнату «Алайская царица».

Уже совершенно дряхлая, но высокаго роста и, видимо, привыкшая повелѣвать и пользоваться почетомъ, Датха совершенно не походила на обыкновенныхъ киргизовъ. На ней былъ верхній халатъ мужского покроя изъ темно-голубой китайской канфы, одѣтый поверхъ нѣсколькихъ другихъ, и только большой бѣлый тюрбанъ на головѣ, оставлявшій открытымъ одно лицо, обличалъ принадлежность ея къ женскому полу.

Сергій Михайловичъ любезно принялъ почтенную старуху, подалъ ей руку и пригласилъ сѣсть, говоря, что онъ вернулъ ея сыну и внуку почетные халаты и что Карабегъ удостоился награжденія золотой медалью за то, что, слѣдуя примѣру своей матери, вѣрно служитъ русскимъ. Не имѣетъ-ли она какой либо просьбы?

были замѣшаны и ея сыновья. Въ 1895 году состоялся надъ ними судъ, по рѣшенію котораго сынъ ея Камчибекъ былъ повѣшенъ, а сынъ Махмутбекъ и внуки Мирза Фаязъ и Арсланбекъ приговорены къ каторжнымъ работамъ и сосланы въ Сибирь; послѣ многочисленныхъ хлопотъ престарѣлой Курбанъ Джанъ Датхѣ удалось добиться помилованія сосланныхъ, и всѣ трое вернулись на родину, гдѣ проживаютъ и по нынѣ. ⁷⁾

— Нѣтъ, слава Богу, мнѣ ничего не надо. Я на старости лѣтъ молюсь за благоденствіе Государя Императора и за ваше здоровье. Имѣла желаніе увидѣть васъ, но и оно теперь исполнилось... Благодарю за милости, оказанныя моимъ дѣтямъ

— А много-ли у васъ всего потомства?

— Не знаю; помню, что пять сыновей, да приемышъ, да вотъ внуки, а сколько у нихъ—не знаю... Много!—добавила она, махнувъ рукой.

Мирза-Паясъ объяснилъ, что всего нисходящаго потомства у Датхи до 80 человѣкъ.

Предложивъ почтенной старухѣ, если что понадобится, обращаться прямо къ нему и обѣщавъ всякое содѣйствіе, генералъ отпустилъ Датху, которая удалилась съ такимъ же достоинствомъ, какъ и вошла. Несмотря на свою дрихлость, она пріѣхала верхомъ и верхомъ же отправилась назадъ послѣ того, какъ услужливыя руки дѣтей усадили старуху на лошадь.

13 декабря 1901 года Государь Императоръ пожаловалъ ей золотые съ брилліантами часы.

Ред.

⁷⁾ Въ октябрѣ 1893 года стража Алайскаго отряда Ферганскаго таможеннаго отдѣла задержала на перевалѣ Белеули цѣнную контрабанду, принадлежавшую, какъ потомъ оказалось, сыну Датхи—Камчибеку. Послѣдній съ сородичами напали на стражниковъ (ихъ было 4), избивъ ихъ камнями, палками и, наконецъ, задушили. Въ сокрытіи этого преступленія участвовали внуки Датхи—Арасланъ бекъ и Мирза-Паясъ.

Ред.

Ко времени смерти Курбанъ Джанъ Датхи потомство ея состояло изъ двухъ сыновей, двухъ дочерей, 31 внука, 57 правнуковъ и 6 праправнуковъ. Похороны Курбанъ Джанъ Датхи были очень торжественны; на нихъ съѣхалась масса окрестныхъ киргизъ, провожавшихъ покойную отъ сел. Мады, гдѣ она скончалась, до кладбища „Сары-Мазаръ“ въ г. Ошѣ; послѣ ея смерти сыновья и внуки покойной устроили грандіозныя поминки, длившіяся нѣсколько дней, и память объ этой выдающейся женщинѣ надолго останется среди мѣстныхъ киргизъ, видѣвшихъ въ ней послѣднюю представительницу національной власти.

А. Алексѣевъ.

Мнѣніе второе, что киргизское население пользуется особыми правами на озера, находящіяся на земляхъ, предоставленныхъ въ его пользованіе, не можетъ пользоваться популярностью въ виду нижеслѣдующаго.

Казна не можетъ вести билетную эксплоатацію озеръ, потому что это поведетъ къ гибели озернаго хозяйства.

Кочевое населеніе научилось рыболовству отъ русскихъ, до прихода же ихъ не имѣло даже понятія о иныхъ орудіяхъ рыболовства, кромѣ удочекъ и сачковъ (сюзеке), коими ему и теперь разрѣшается производить рыболовство такъ же свободно и безпошлинно, какъ и ранѣе и, при сдачѣ озеръ въ арендное пользованіе, права эти должны будутъ остаться за ними.

Народы-завоеватели иногда стираютъ побѣжденныхъ, но въ данномъ случаѣ, благодаря незнанію обстоятельствъ дѣла, изъ гуманныхъ соображеній, предлагается противоположное: кочевое населеніе никогда не пользовалось озерами такъ же, какъ, вѣроятно, и частию другихъ природныхъ богатствъ края. Россія покорила кочевниковъ, провела желѣзныя дороги и многія мертвыя богатства приобрѣли цѣнность; явились люди, которые стали утверждать, что русскій народъ, завоевавъ край и ожививъ его своими усиліями, долженъ теперь окарауливать и благоуустраивать свободныя богатства киргизскихъ степей для надобностей будущихъ киргизскихъ поколѣній. Такое обращеніе побѣдителя въ услуженіе нельзя смѣшивать съ гуманностью; достаточно того, что русскій народъ, завоевавъ край для себя, не нарушитъ при этомъ существовавшихъ ранѣе у мѣстнаго населенія границъ пользованія имуществомъ.

Но, оставивъ эту чисто отвлекающую почву обсужденія вопроса, мы найдемъ и на практикѣ, что въ силу необходимости должно изъять озера и изъ общаго пользованія и изъ киргизскаго, такъ какъ то и другое поведетъ озерное хозяйство къ гибели. Озерныя богатства степей сохранились до сихъ поръ благодаря малому пользованію ими и теперь необходимо создать твердую организацію

озернаго хозяйства, которая возможна только при арендной эксплоатаціи озеръ, а потому является необходимостью изъятія въ казну теперь же всѣхъ озеръ Туркестанскаго края, въ частномъ владѣніи не состоящихъ.

Ловодовскій.

Царица Алая.

На дняхъ въ 12 верстахъ отъ города Оша умерла знаменитая «царица Алая» Курбанъ-джанъ датха.

Отъ жизни этой «царицы» такъ и вѣетъ широкимъ просторомъ киргизскихъ степей и долинъ и образъ ея, изукрашенный цвѣтами восточной фантазіи, долго будетъ служить темой заунывныхъ пѣсенъ приалайскихъ номадовъ.

Въ старое время, еще во времена независимости кокандскихъ хановъ, кочевники долинъ Алая, кара-киргизы, считались почти самостоятельнымъ племенемъ. Вассальное отношеніе ихъ къ кокандскому царству выражалось лишь въ томъ, что правители ихъ или «датхи» утверждались ханами Коканда.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія такимъ «датхой» былъ Алимъ-бекъ, который влюбился въ одну киргизку, по имени Курбанъ-джанъ, отличавшуюся необыкновенной красотой. Хотя Курбанъ-джанъ была уже въ то время замужемъ за сородичемъ киргизомъ, но устроить разводъ было для Алимъ-бека, конечно, нехитрымъ дѣломъ и онъ женился на Курбанъ-джанъ.

Послѣ смерти мужа въ 1863 году, который, какъ полагаютъ, былъ отравленъ, Курбанъ-джанъ со своими пятью сыновьями, «батырями», перекочевала въ свои родовыя становища на Алаѣ.

Тамъ, съ теченіемъ времени, Курбанъ-джанъ удалось до такой степени подчинить своему вліянію степняковъ, что тогдашній кокандскій ханъ, Худояръ-ханъ, далъ ей титулъ «датхи» или царицы.

Къ кибиткѣ прекрасной и умной Курбанъ-джанъ стали со всѣхъ сторонъ стекаться на поклонъ кочевники, много наслышавшіеся объ ея умѣ, талантахъ и справедливости, такъ какъ слава о ней проникла далеко на сѣверъ и на востокъ—даже въ предѣлы Семирѣчья и Китая. Они привозили дары и обращались за совѣтомъ въ своихъ жалобахъ.

Такъ и прожила-бы Курбанъ-джанъ свой вѣкъ, окруженная всеобщимъ почетомъ, не вѣдая жизненныхъ испытаній, если бы не случилась въ восьмидесятыхъ годахъ война Россіи съ кокандскими правителями, которая, въ концѣ концовъ, закончилась присоединеніемъ къ Россіи въ 1876 году всѣхъ земель кокандскаго ханства.

Вполнѣ естественно, что сочувствіе Курбанъ-джанъ въ этой борьбѣ было на сторонѣ кокандцевъ и поэтому, когда было объявлено, что независимость послѣднихъ, а въ томъ числѣ и ея, была потеряна навсегда, Курбанъ-джанъ рѣшила не подчиняться власти русскихъ и отстаивать свободу своихъ киргизъ. Она втайнѣ питала даже надежду вернуть самостоятельность кокандскаго ханства съ помощью ихъ.

Во время возникшихъ затѣмъ волненій кара-киргизами было сдѣлано нападеніе на капитана Куропаткина, ѣхавшаго въ Кашгаръ съ конвоемъ изъ казаковъ.

Двинувшемуся въ походъ на Алай для укрощенія строптивой датхи генералу Скобелеву ею было приказано преградить

дорогу. Въ горахъ Малаго Алая произошло нѣсколько столкновеній, въ которыхъ кара-киргизы дрались съ отчаяннымъ упорствомъ.

Наконецъ, весною 1876 года противники сошлись для рѣшительнаго боя близъ Гульчи, у урочища Янги-арыкъ.

Еще и теперь тамъ можно видѣть полуразрушенныя укрѣпленія или массивные каменные завалы, устроенные съ оборонительными цѣлями. Здѣсь Абдуль-бекъ, старшій сынъ датхи, рѣшилъ дать отпоръ русскимъ.

Абдуль-бекъ считалъ себя недоступ-

нымъ на своихъ кручахъ, но къ ужасу всему, скоро убѣдился въ своемъ заблужденіи: справа отъ него, съ Талдыка, надвигался отрядъ генерала Гюнова, а слева, со стороны Кургана Омаръ-бека, угрожали двѣ казачьи сотни полковника князя Витгенштейна.

Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, киргизы безъ боя бросились въ бѣгство по направленію къ Алаю, растерявъ по дорогѣ свои стада. Абдуль-бекъ бѣжалъ на Кызыль-артъ. Тщетно князь Витгенштейнъ со своимъ летучимъ отрядомъ старался нагнать лихого батыря. Абдуль-бекъ увертывался отъ него съ чисто киргизскимъ проворствомъ и, наконецъ, успѣлъ съ небольшимъ числомъ людей бѣжать черезъ Памиръ въ предѣлы Афганистана. Витгенштейнъ въ увлеченіи погоней самъ еле не погибъ около озера Кара-куль.

Услышавъ о пораженіи сына и приближеніи русскихъ къ Алаю, Курбанъ-джанъ со всѣмъ своимъ имуществомъ бросилась въ Кашгарію. Однако, ея многочисленный стада сильно приглянулись тамошнимъ властямъ и она была ограблена напавшими китайцами.

Тогда датха съ младшимъ сыномъ Канчи-бекомъ повернула назадъ, стараясь пробраться по слѣдамъ Абдуль-бека въ Афганистанъ, но была захвачена княземъ Витгенштейномъ и отправлена въ Гульчу, гдѣ тогда находился Скобелевъ. Послѣдній встрѣтилъ ее на пути, когда она ѣхала туда, въ Ляангаръ.

Встрѣча эта описывается такимъ образомъ. Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и одного изъ своихъ внуковъ, вошла въ комнату и стала молча, опустивъ голову. Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ руку. Курбанъ-джанъ, не ожидавшая такого пріема, растерялась, но улыбка заиграла на ея лицѣ. Скобелевъ сказалъ плѣнницѣ черезъ переводчика, что онъ очень радъ видѣть ее въ добромъ здоровьѣ и надѣется, что она, пользуясь своимъ вліяніемъ на Алай, убѣдитъ кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться Россіи.

Скобелевъ затѣмъ сказалъ, что Курбанъ-джанъ можетъ гордиться своими сыновьями, такъ какъ они только исполнили свой долгъ. Если они вернутся, обѣщаль онъ, то будутъ награждены.

Затѣмъ Курбанъ-джанъ былъ предложенъ достарханъ и подаренъ почетный парчевый халатъ, одѣтый на нее Скобелевымъ собственноручно.

Съ этого момента Курбанъ-джанъ поняла, что и ея самостоятельность и самостоятельность кокандскаго ханства были навсегда потеряны.

Она, затѣмъ, употребила всѣ усилія, чтобы удержать киргизъ отъ напрасныхъ кровавыхъ столкновений и постаралась уговорить своихъ бѣжавшихъ сыновей вернуться на родину.

Всѣ они, за исключеніемъ старшаго, Абдулъ-бека, не повѣрившаго обѣщаніямъ русскихъ и до смерти оставшагося ихъ врагомъ, такъ и сдѣлали.

Но безъ интереса ихъ дальнѣйшая судьба.

Абдулъ-бекъ въ 1876 году отправился изъ Афганистана на богомолье въ Мекку и по дорогѣ туда умеръ.

Батырь-бекъ и Хасанъ-бекъ, вернувшись изъ Кашгара въ 1877 году, были назначены волостными управителями.

Махмудъ-бекъ, также волостной управитель, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Канчи-бекомъ былъ замѣшанъ въ убійствѣ въ 1893 году пограничниковъ.

Канчи-бекъ былъ казненъ въ Ошѣ, два года спустя, а Махмудъ-бекъ сосланъ въ Сибирь въ каторжные работы, изъ которыхъ онъ былъ въ 1897 году возвращенъ, по случаю помилованія. Этотъ Махмудъ-бекъ сослужилъ русскимъ большую службу въ 1898 году, сообщивъ на канунѣ андижанской рѣзни о замыслахъ минъ тюбинскаго ишана. За это ему былъ возвращенъ почетный халатъ, который былъ отобранъ у него при ссылкѣ.

Современи возстанія прошло 30 слишкомъ лѣтъ и Курбанъ-джанъ добросовѣстно выполняла данное ею обѣщаніе. Ея авторитетъ до послѣдняго времени не ут-

ратилъ своего значенія, что видно, между прочимъ, изъ того, что сыновья ея, изъ руководителей возстанія превратились въ мирныхъ волостныхъ старшинъ, аккуратно собирающихъ кибиточный сборъ для русской казны. Обитатели Азіи вообще не приучены исторіей рассчитывать на жалость побѣдителя и, ошеломленные великодушіемъ недавняго врага, они уже изъ чувства благодарности готовы дѣйствовать въ его интересахъ съ рвеніемъ добровольнаго рабства.

Курбанъ-джанъ удостоивалась посѣщенія различныхъ Туркестанскихъ Генералъ-Губернаторовъ во время ихъ проѣзда черезъ Ошъ, а въ 1901 году она была представлена въ Андижанъ военному министру, для чего нарочно приѣхала туда изъ своихъ алайскихъ кочевій. Въ томъ же году она получила въ подарокъ перстень изъ кабинета Его Величества.

Въ послѣднее время Курбанъ-джанъ представляла собою бодрую старушку лѣтъ 88, одѣвавшуюся при представленіяхъ или въ парчевую шубейку съ меховой оторочкой—единственнымъ остаткомъ отъ прежняго величія, или въ черный шелковый халатъ съ большимъ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Лицо у нея, по обыкновенію всѣхъ киргизокъ, было открытымъ. Но такой видъ у ней былъ лишь въ торжественные дни; обычное же ея мѣсто было—на сѣдлѣ. Конь и степь были ея стихіей.

И. Ф.

Благополучіе отставныхъ.

Промелькнуло въ газетахъ и опровергнуто извѣстіе о проектированномъ «чиновничьемъ поселкѣ» въ Голодной степи. Мало того, что опровергнуто самое извѣстіе, но не мало и ироническихъ замѣчаній пришлось выслушать по этому поводу старымъ туркестанцамъ, доживающимъ въ нашемъ краѣ свой вѣкъ. Зоицы «отставныхъ» людей все старались рисовать въ воображеніи различные буколическія картины изъ жизни отработавшихъ тружениковъ на покоѣ, въ родѣ зеленыхъ сто-